

A stylized graphic in shades of blue and teal. It features a building-like structure with a staircase on the left and a piano keyboard integrated into the design. The text 'ДИНА РУБИНА' is written in white, uppercase letters across the top part of the graphic.

ДИНА РУБИНА

УРОКИ
МУЗЫКИ

Дина Ильинична Рубина

Уроки музыки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163784

Эксмо;

ISBN 978-5-04-147433-1

Аннотация

«Рано или поздно я все-таки напишу повесть о своих взаимоотношениях с Музыкой. Это будет грустная и смешная повесть.

Может, вернее было бы сказать: повесть о взаимоотношениях с моим музыкальным образованием, этой крутой, с шаткими ступенями лестницей, преодолеваемой мною семнадцать лет?...»

Дина Рубина

Уроки музыки

Рано или поздно я все-таки напишу повесть о своих взаимоотношениях с Музыкой. Это будет грустная и смешная повесть.

Может, вернее было бы сказать: повесть о взаимоотношениях с моим музыкальным образованием, этой крутой, с шаткими ступенями лестницей, преодолеваемой мною семнадцать лет? Да, семнадцать мучительных лет, полных тяжелого дыхания, мерцания в глазах и карабканья по ступеням – вверх, вверх, почему-то во что бы то ни стало вверх, – к диплому консерватории?.. Нет, именно с ней, Музыкой: с мачехой, а лучше и не с мачехой даже, а с отчимом – жестким, умным и справедливым отчимом, который в самое нужное время выбил дурь из головы и поставил на ноги...

Вбитое в меня высшее музыкальное образование сидит во мне как хронически воспаленный аппендикс и дает знать о себе в самые непредвиденные моменты жизни. И тогда виолончельная тоска, всегда настигающая меня в минуты соприкосновения с музыкальным прошлым, а вернее, и не тоска, а призрак тоски – ибо самой тоски уже не существует, она умерла и осталась в пределах этого прошлого, – призрак тоски сгущается и ласково притрагивается к живому моему сердцу, и тогда я вздрагиваю и говорю себе, что непременно

но, рано или поздно, напишу грустную и смешную повесть о своих взаимоотношениях с Музыкой.

Но еще не пора, еще не сейчас. И не потому, что я боюсь этих ножевых соприкосновений с прошлым, а просто сейчас о другом.

Другая история.

Той весной выходила моя первая книжка, и я жила ею. Вернее, я не жила, а проживала недели и дни мучительно-го, выматывающего душу ожидания. В доме жили магические обозначения типографских таинств: «первая корректура», «вторая корректура», «сигнал».

Я не могла работать... На письменном столе мертвой стопкой лежал недописанный рассказ, горел просроченный договор на пьесу. Я целыми днями валялась на диване и, закинув руку за голову, представляла свою не рожденную еще книжку. Ее синюю обложку и собственное свое имя – белыми буквами на синем.

За окнами природа творила весну или весна творила природу, – во всяком случае, каждый день приносил какую-нибудь новость: то зацветал урюк нежной дымкой, то появлялись стаи индийских птичек майна, юрко бегающих по траве.

Надо было отвлечься, закончить рассказ, дописать пьесу, выйти погулять и в конце концов сменить домашний черный свитер на что-нибудь полегче. Но я с утра до вечера валялась на диване в черном свитере и молча, напряженно пересили-

вала время. Я была парализована ожиданием. Целыми днями я ждала звонка из издательства. К вечеру, не дождавшись, звонила сама. Есть ли новости? Нет. Вероятно, на днях. На днях... На днях?! А как прожить эти дни?! Да кончится ли это когда-нибудь?! Существование в ожидании становилось ужасным, непереносимым...

Сейчас я думаю, что это были самые счастливые дни моей жизни.

Наконец однажды к вечеру позвонили. Да, поздравляем, прибыл сигнал. Моя редактриса говорила спокойно-приветливым голосом, будто ничего невероятного не произошло. Не было в ее голосе упоительного счастья, и это внушало к ней ненависть.

– Но сегодня вы не успеете приехать. До конца рабочего дня осталось полчаса. Придется подождать до завтра...

– Нет-нет, я успею! Такси поймаю, или частника, или грузовик! Мусорку! Поливалку! Я буду в издательстве через двадцать минут!

Выскочив из дома в том же черном свитере, я помчалась через двор – навстречу сбывшемуся счастью в синей обложке.

– Можно вас на минутку?

В нашем дворе жила семья каких-то восточных людей – не то персов, не то осетин, не то бухарских евреев. Отец семейства, щуплый человечек с щеголеватыми усиками, работал экспедитором, развозил на машине мороженые бараньи

туши. Часто в обеденное время во дворе стояла его машина с синим фургоном. А матери в семействе не было, вот такая беда у них стряслась, мать умерла за три года до всей этой музыкальной истории.

– Можно вас на минуточку? – ко мне, робко улыбаясь, подходил папа семейства. – Если вы не очень торопитесь.

– Да, пожалуйста. – Я чувствовала, что сатанею, но сложила на лице сложную гримасу приветственного внимания.

Мою жизнь всегда отягощали издержки домашнего воспитания, перегруженного традициями восточной вежливости и приветливого уважения ко всем – к старцам, к соседям, к знакомым, к незнакомым, к еле знакомым тем более, ведь они вроде бы знают тебя, но знают недостаточно, не дай бог составят о тебе превратное мнение... Папа восточного семейства как раз относился к отряду еле знакомых. Встречаясь во дворе, мы кивали друг другу.

– Да, пожалуйста...

– Мы незнакомы, но мы об вас знаем... – торопливо говорил он, все так же робко улыбаясь. – Об вас во дворе хорошо говорят.

– Да? – вежливо удивилась я, не зная, что еще сказать по этому поводу. Секунды уносились прочь, книжка лежала в издательстве, на столе редактрисы. – Так что же?

– Вы ведь закончили консерваторию? – улыбочиво продолжал он. Я затосковала.

– Ну... вообще-то... да, – проямлила я.

К тому времени прошел год, как я рассталась с должностью концертмейстера и была совершенно свободна для занятий литературой. И эта выстраданная долгожданная свобода все еще казалась мне непозволительным счастьем, чем-то неприличным, неловким, из ряда вон выходящим. Многолетние обязанности по отношению к Музыке реяли за моей спиной грозной недавностью, и я еще не смела до конца поверить, что свободна, свободна, свободна! Так человек, долго таскавший тяжкую ношу и наконец сбросивший ее, рад бы поверить, что легок отныне и порывист, да ноют плечи, ломит поясницу, дыхание неровно.

Маленький вежливый человечек напомнил о моей многолетней каторге, о кнуте, который совсем недавно еще гулял по моим плечам. И плечи мои содрогнулись...

Папа семейства опустил тяжелую авоську с картошкой, и та грузно развалилась на асфальте.

– Я насчет дочки... – продолжал он, разминая руки с багровыми рубчатыми следами от веревочной авоськи. – Она такая способная, такая умница, вы просто получите удовольствие!

– А-а, – поняла я, – вы хотите ее музыке учить?

– Вы будете получать большое удовольствие, – просительно повторил он и, спохватившись, торопливо добавил: – Цену сами назовите!

– К сожалению, я уже не связана с музыкой. Понимаете, совсем... – Я сделала огорченно-вежливое лицо и даже ру-

ками слегка развела.

Потом искоса глянула на часы и беззвучно застонала: до-мчать меня до издательства мог теперь только лихой частник.

– Как это – совсем? – Он недоверчиво улыбнулся. – Ну, до-ми-соль какое-нибудь еще помните, туда-сюда?

– До-ми-соль помню, – уныло согласилась я, чувствуя, что втягиваюсь в какие-то нелепые объяснения, отнекивания, настаивания, вместо того чтобы вежливо, но твердо отказать сразу.

– Мы очень хотим вас, – сказал он и вздохнул. – Об вас во дворе хорошо говорят. Вы будете получать от нее удовольствие, она такая способная, моя Карина!

– Знаете что, – предложила я, – давайте я созвонюсь с друзьями, музыкантами, и подыщу для вашей Карины хорошего педагога.

– Мы только вас хотим, – грустно, но настойчиво возразил он. – Ее покойная мать так мечтала об этом...

Я поняла, что погибла. Робкий человек, сам того не подозревая, огрел меня второй раз.

У меня есть жесткие правила, я умею отказывать. Я умею дорожить своим временем и оберегать его от посягательств ненужных мне людей. Необходимо только, чтобы люди эти были вполне благополучны.

Вот звонит приятель и просит написать рецензию на спектакль, поставленный его другом-режиссером.

– Исключено, старина, – мягко, но твердо отвечаю я. – Ты же знаешь, у меня жесткое правило: не делать того, чего не умею. Я не театровед – раз, времени нет – два, и, в конце концов, я просто не хочу, что само по себе – вполне уважительная причина.

Приятель понимающе поддакивает в трубку:

– Да, да, конечно... Ты права... Но жаль человека, понимаешь. Жена в больнице, дочка руку сломала, а тут еще главный – скотина, жрет его поедом, выпирает из театра.

Я еще мямлю что-то о срочном переводе, но жесткое правило – мой боевой конь – уже споткнулось о несчастья неизвестного мне режиссера, подпруга ослабла, и я вот-вот вывалюсь из седла. Где ты, мой боевой конь? Он подставляет шею под хомут, и это уже не конь, а рабочая кляча, которой можно понукать. И мой приятель это прекрасно чувствует.

– Да я тебе слово даю, – напирает он, – вполне приличный спектакль, тебе даже врать не придется. Напиши пару добрых слов, поддержи человека в беде. Тебе это зачтется...

Где именно мне это зачтется, я уже не уточняю, потому что выбита из седла. Я только осведомляюсь убитым голосом, когда начало спектакля.

И вот я плетусь смотреть совершенно ненужный мне спектакль о пионерской совести и битых два часа пялюсь на сцену, где любимую всем классом пионервожатую играет старейшая актриса труппы. Я смотрю на ноги заслуженной актрисы – ноги пожилой женщины, страдающей тромбофле-

битом, – и тоскую... После чего дня три маюсь со своей отнюдь не пионерской совестью и пытаюсь втолковать ей что-то про жену в больнице и скотину главного, а совесть посылает к черту мою тряпичность и отвечает, что на месте скотины главного давно бы уже выгнала из театра друга моего приятеля. В конце концов я все-таки выжимаю из себя две странички пошлой кислятины, где вру, вру бесстыдно, например, называю пожилую пионервожатую одной из удач спектакля. Подписываюсь, конечно, вымышленной серенькой фамилией и принципиально не покупаю номер газеты, где напечатана эта ахинея. Но совесть, или как там ее назвать, долго еще почесывает ушибленное место и похныкивает над ним.

– Да, ее покойная мать просто-таки мечтала, – сурово повторил папа семейства, – чтобы Карина научилась играть на инструменте... А цену назовите сами.

– При чем здесь деньги! – Я еще пыталась устоять, но это было уже бессмысленно. Есть понятия, которые своим святым значением действуют на мою жизнестойкость парализующе. Девочка была сиротой, и бесполезным становилось дальнейшее препирательство: я уже знала, что займусь этим, не только ненужным, но и бесконечно мучительным для меня делом – стану давать девочке уроки музыки.

– Ну, хорошо, – уныло сказала я. – Посмотрим... Я зайду сегодня, попозже. Познакомлюсь с вашей девочкой.

Он вспыхнул от радости, и заговорил быстро, сбивчиво, и говорил еще минут пять. А я вежливо кивала, и от ненависти

была близка к обмороку, если такая причина для обмороков существует. Я ненавидела его, свою будущую ученицу, свою тряпичность. Но больше всего я ненавидела свое музыкальное образование, и от этой бессильной ненависти першило в горле и чесались глаза.

Вечером я стояла в тесной прихожей, освещенной пронзительно-красным светом, и хмурая девочка лет двенадцати искала для меня тапки. Наконец она вытащила из-за двери старые клетчатые тапки и бросила их передо мной:

– Не стойте босиком.

Из комнаты прошаркал старик – белые космы, белая борода, очень благообразный, но, видимо, сумасшедший, потому что девочка нахмурилась и сердито прикрикнула:

– Ну что тебе? Иди, иди ложись!

Этого старика я видела много раз. Весной, когда начинало пригревать, старший внук бегом выносил во двор старый венский стул, ставил его под нежно зеленеющим виноградником, потом забегал в дом и осторожно выводил деда. Тот часами сидел на стуле – красивый, как библейский пророк, с ермолкой на белых космах; дремал или смотрел на происходившее во дворе пустынным заоблачным взором...

Старик вгляделся в меня и коротко спросил что-то на непонятном языке. Это был восточный язык, но не узбекский; узбекский я не то чтобы знаю – нет, я не знаю его, но чувствую ухом и нёбом.

Девочка крикнула:

– Нет, не мама! Иди к себе, я говорю!

И тут я заметила другую девочку, помладше. Она жалась к косяку двери и смотрела на меня с тихой улыбкой. Взгляд ее блестящих прозрачных глаз был даже не ласковым, нет – любовным. Она ласкала этим взглядом все вокруг – и меня, и сестру, и сумасшедшего деда, и дверной косяк. Она всех, всех любила...

– Ну, здравствуй, – сказала я ей. – Так это тебя я буду учить музыке?

– Нет. Меня, – буркнула старшая. – Вы зайдите, я сейчас. У меня там котлеты жарятся...

Она исчезла. Старик все еще молча смотрел на меня, тревожно и выжидающе, потом опять спросил что-то у младшей девочки. Та замотала головой и, бегло улыбнувшись мне, сказала:

– Да нет, это не мама. Иди спать, деда... – прильнула к старику и повела в глубь квартиры, что-то нежно приговаривая на том же восточном языке.

В большой комнате стояли старый диван, буфет, несколько венских стульев и черное обшарпанное пианино «Октябрь», вероятно купленное по объявлению... Такие объявления с бахромой телефонных номеров, бумажной чешуей покрывали торцовую стену нашего продовольственного магазина.

На крышке пианино сидела очень пушистая пепельная

кошка с дикими сумрачными очами. Я согнала ее, подняла крышку и проверила строй. Настраивали не так давно – инструмент звучал глуховато, но чисто.

Я села на вертящийся табурет, и полировка инструмента тотчас явила мое отражение – унылого, отупелого от гамм спутника детства и юности. Мы не виделись год, длинный счастливый год, в течение которого я ни разу не подошла к инструменту, и вот встретились.

Ах, мой черный человек, alter ego с темными глазницами, тусклым бликом на скуле, мой тягучий тягостный сон, мое подсознание – ну, здравствуй...

Отвыкшими пальцами я взяла минорный аккорд и нажала ногою педаль. Печальное созвучие влажно задрожало в воздухе. Тогда я заиграла, что помнила и любила всегда, – «Фантазию-экспромт» Шопена, эти жемчужные петли нежно-прихотливой мелодии, петли, петли вокруг сердца и выше – вокруг горла, и наконец затянутый на рыдании аркан...

Проиграла несколько тактов и оборвала: пальцы, год не прикасавшиеся к клавиатуре, ощущались протезами. Вот оно, проклятое неблагодарное ремесло: ничего не остается, если ежедневно не бросать в его алчущую пасть многочасовую каторжную работу.

Рядом со мной тихо вздохнули. Младшая девочка, прижавшись спиной к обоям, ласково мне улыбалась. Позже я заметила, что она жалась не только к родным – деду, сестре, отцу, – но и к предметам, словно ее маленькое существо, пе-

реполненное любовью ко всему на свете, жаждало приникнуть, припасть, обласкать все, что попадалось ей на глаза.

– Ну, что? – спросила я ее. – Что улыбаешься?

– Музыка, – шепотом сказала она, кивнув на клавиатуру. – Красиво... Рассыпается, как шарики...

Из кухни, на ходу развязывая фартук, вышла старшая. Я поднялась с круглого табурета и хлопнула по нему ладонью:

– Садись, – а сама пересела на венский стул. Карина покорно опустилась на табурет, ссутулилась, протянула руки вдоль колен и внимательно уставилась на свое отражение в пианино. Кого-то мучительно напоминала мне эта девочка. Напоминала настолько болезненно, что даже не хотелось ворошить память.

– Поднимись-ка, – сказала я. – Тебе высоко. Давай подкрутим табурет.

Подкрутили... Она опять покорно протянула вдоль колен руки и безразлично уставилась на свое отражение – так старый пастух смотрит в сухую степную даль выжженным взглядом.

Я почувствовала, что сейчас должна сказать ей что-нибудь живое, человеческое, потому что именно человеческого она от меня не ждет. Наверное, думает, начну ей рассказывать, что инструмент, за который она села, называется фортепиано... Нет, милая, слишком хорошо я помню свои первые уроки музыки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.